

ЮБИЛЕЙ

Иванова
Людмила

С внуками
Лизой
и Трифоном.

ВЛАДИМИР ЛУТОВСКИЙ

К ПЯТНАДЦАТИ КЛАВДИИ ВАСЮТА

Людмила
ИВАНОВА:

"Все
кричали:
"Депардьё
опять идет
к Ивановой
целоваться!"

— Людмила Ивановна, неужели вы не произнесли на сцене ни одного слова про любовь за всю долгую актерскую жизнь в "Современнике"?

— Пожалуй, единственную фразу о любви я говорила, когда играла Лиду Белову в спектакле "Традиционный сбор" Розова. "Как я любила-то тебя!" — говорила я человеку, которого проводила на фронт и с которым мы встретились через 20 лет на традиционном сборе в школе. Жизнь прошла, моя героиня вышла за другого, у нее двое детей, она живет в Иркутске... Стоя ко мне спиной, он отвечал: "И я тебя!"

— Большинство зрителей знают вас по "Служебному роману".

— Да... Но что ж теперь сделаешь!
— А у вас-то служебные романы бывали? Признайтесь!

— Вы знаете, нет. (Смеется.) Я всегда считала, что романы заводить на работе не стоит. На работе надо работать. Хотя влюбляться — это правильно. Когда в молодости я никого не любила, то думала, что просто зря теряю время. Скажу вам по секрету, что мне никогда не нравились артисты.

— Как такое может быть?!

— Чистая правда. Все романы у меня были вне театра — с математиками, физиками, и мой муж, Валерий Миляев, — доктор физико-математических наук, мы живем с ним 40 лет. У нас юбилей в этом году, и у нас двое сыновей. А артистов я рассматриваю просто как родственников. (Снова хохочет.) Может, если б я влюбленных играла, у меня и были бы романы, а так нет, не было. Я ведь характерная артистка, часто играла пожилых — в 25 лет, например, 50-летнюю учительницу в спектакле "Вечно живые".

— А вы никогда не уставали от своего столь постоянного амплуа?

— Нет, никогда. Я очень люблю натуру, играть люблю до безумия. Люблю всех своих старух, мне они как художнику интересны. Я всегда придумываю им биографию, что-нибудь сочиняю, работаю как научный работник. Скучно вам со мной, да?..

— Да почему же? Расскажите про свою знаменитую Шурочку из "Служебного романа".

— Шурочка, Шурочка... Что рассказать? Дело в том, что я сама была в то время профсоюзным работником. Очень хорошо их знала, что-то в них любила, а что-то не любила. Я работала для людей. Вообще, я считаю, что очень интересно работать для людей. Я, например, очень много квартир достала... Но вы не только о "Служебном романе"-то пишете: у меня ведь в театре 50 ролей.

— Какая любимая?

— Вы знаете, как это ни смешно, пожалуй, Саввишна в "Эшелоне" (режиссер — Волчек, а постановщик — Райхельгауз). Тоже пожилая старуха, не очень добрая — война все-таки (я вообще военную тему люблю). И вот эта Саввишна едет в эвакуацию с беременной дочкой. Страшно, эшелон идет долго, кругом женщины, дети, потом бомбежка... А я вообще заболела и умираю одна в тамбуре. Мне стало жарко, вынесли меня, и я прошу у них и у всего зала: "Дайте водички испить кружечку, я столько воды в своей жизни перетаскала! Волгу! А сейчас мне кружечку дайте..." Я очень любила эту роль.

И вообще, если подумать, то я очень любила роль Людки-поэтессы в "Матросской тишине" — спектакль так и не вышел. Это была такая моя любимая роль! А еще... баба Шура в спектакле "Любовь и голуби", баба Настя в "Крутом маршруте" и Светлана-пенсионерка из спектакля "Аккомпаниатор". Вот сколько. Вообще-то у меня ролей в "Современнике" около 50, я посчитала.

— А в кино?

— Тоже много. Последний мой фильм — "Зависть богов". Роскошный фильм про любовь. Я там с Депардьё снялась — это мой любимый актер. Я и не мечтала, а мне вдруг говорят: "Ты снимаешься с Депардьё". А я, сами видите, полная, хлебосольная, я его в фильме кормила. И он прямо как только видел меня — так и целовал: трижды, по-русски. А все кричали: "Депардьё опять идет к Ивановой целоваться!" А с ним бы я, пожалуй, роман завела... Напишите: "Иванова мечтательно посмотрела вверх, и..."

Так я, дура, не взяла даже его адреса. И потом, я более или менее знаю французский,

но, когда начала с ним говорить, сказала: "Господин Депардьё..." А он так строго меня поправил: "Депардьё" — я застенялась и перешла на русский.

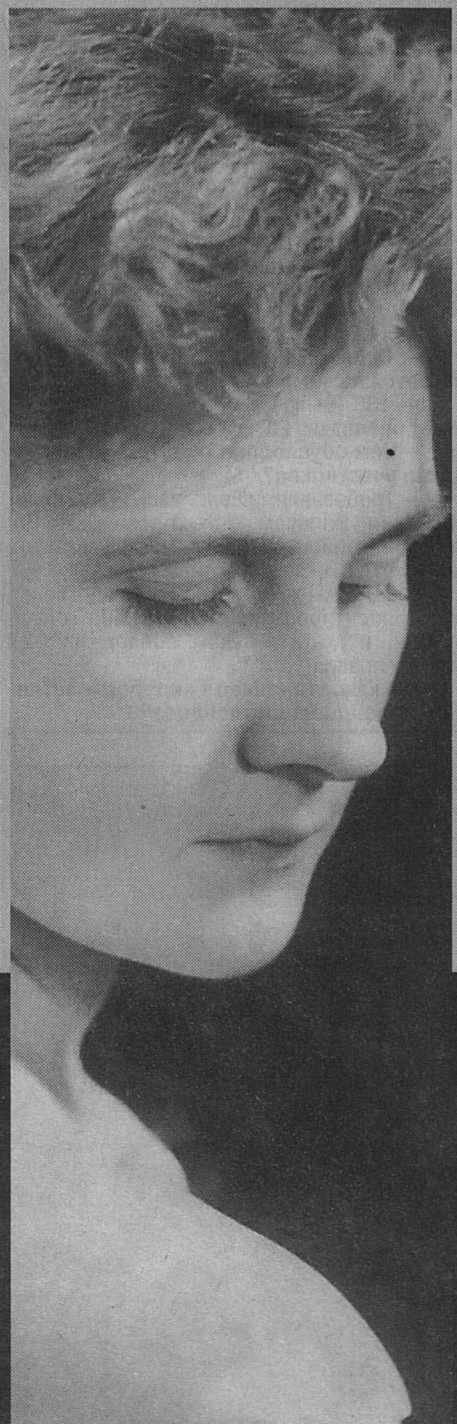
— День вашего рождения — 22 июня. Как эта дата прошла по вашей жизни?

— Не сама дата. Война — это, наверное, самое большое событие в моей жизни, которое вообще повлияло на все. Те, кто пережил войну, — другие люди, не похожие на всех остальных. Но у меня было хорошее детство: мой отец был профессором, и мы прилично жили. Мама дала мне очень большое "приданое" — она до школы занималась со мной, водила меня в балет, в музыкальную школу, в хор. Я столько получила, что пользуюсь этим всю жизнь. Кроме этого, она научила меня любить книгу, читать...

У меня были прекрасные родители. Меня вообще всю жизнь окружают замечательные люди: Олег Ефремов, мои любимые партнеры и партнерши по "Современнику", Галина Волчек, у которой я сыграла почти во всех спектаклях свои любимые роли. Я им всем благодарна.

— В одной из песен вашего мужа есть такие слова: "Приходит время, люди голову теряют..." Вот расскажите, как вы потеряли голову от своей работы, от своей любви.

— Да, потеряла, но я не хочу, чтобы вы об этом писали, потому что все журналы уже написали об этом. Привирают: мол, ехала Иванова в электричке, услышала свою песню, которую пел какой-то парень, и тут-то... А было так: я вела тогда театральный кружок в физическом институте Академии наук, а Валерий был тогда уже знаменитым бардом, со своими физиками написал оперу "Архимед", чем они и прославились, и мы его пригласили в кружок — писать новогодние песни.

— Я только раз в жизни играла красивую роль — Весну в "Снегурочке" Островского. В шестом классе... Такие красивые роли я мечтала играть, когда стану актрисой. Но вышло совсем по-другому, — говорит Людмила Иванова и начинает перечислять: — Пятнадцать Клавдий, шесть Марий, четыре Зинаиды, три Шуры, Анфиса, Ефросинья, Васюта, Груша... Про любовь — ничего... Может, из-за дефицита сценической и кинолюбви, а может, по какой другой причине свою книгу она назвала "Я люблю вас!". Она всегда говорит "любила — не любила", и никогда "нравится — не нравится". Голос — тихий-тихий, темперамент — страсть, а энергии столько, что хватает сразу на два театра: любимый "Современник" и "Экспромт", который сама же и создала 12 лет назад. О том и о тех, кого и что она любит, Людмила Ивановна рассказала корреспонденту "МК" накануне своего юбилея.

Вероятно, мы понравились друг другу, он меня пригласил кататься на лыжах... А на обратном пути, в электричке, спел песню "Улица Горького". Говорит: "Вот мне очень нравится эта песня. Ее Ада Якушева написала". А я обиделась: "Как это Якушева?! Это моя песня!" Там такие слова: "Бесконечной тоскою охвачена, я бреду по вечерней Москве, то ли дождь идет, то ли плачу я, и все думаю я о тебе". А потом выхожу я как-то из физического института: занятия перенесли в другой. Надо сказать, я плохо ориентируюсь, и думала, никогда не найду, снег меня засыплет, заблужусь... — такое было настроение. И вдруг выходит он, с мандарином в руке. Говорит: "Я так и знал, что вы заблудитесь, я вышел вас встречать". И мне показалось, что он — Дед Мороз, я в него влюбилась... Но об этом много писали...

— Вы очень любите людей. Какие качества вам в них не нравятся?

— Не нравится предательство. Когда друг друга предают — это ужасно. Ну и лень тоже не люблю, равнодушие не люблю. Я сама человек горячий и люблю, когда вокруг все такие же.

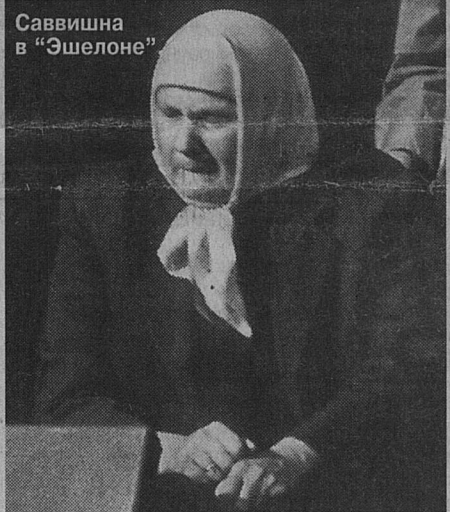
— В воскресенье, в день своего юбилея, на сцене "Современника" вы сыграете мать Гоголя. Откуда взялась пьеса?

— Я сама ее написала. По письмам, по воспоминаниям. На два дня ездила в имение Гоголя, в Васильевку. Со всеми познакомилась, все посмотрела. Наш спектакль — это один день из жизни матери Гоголя, когда она ждет сына в гости. Он приезжал к ней раз в год. И вот они готовятся его встретить — ватники лепят, дом украшают, она вспоминает, как она его родила, потом приходят гости. Вдруг звонит колокольчик и приносят письмо: "Дорогая моя матушка, не удастся, вероятно, увидиться с вами осенью. Дорога, которая всегда была для меня так полезна, стала вредоносной, нервы мои расшатались, я плохо себя чувствовал и из Калуги повернул обратно. Молитесь о моем здоровье, я прошу вас". И все, больше он не приехал: через пять месяцев умер. Она не дождалась...

— Похоже, что вы очень любите этого писателя.

— Дело в том, что, когда я училась на первом курсе, у меня был страшный год. Отец

Саввишна
в "Эшелоне"

умер, мама попала в больницу — безнадежно, бабушка умирала — у нее обнаружился рак, у моего любимого учителя Николая Дорохина был инфаркт... Прямо жить стало страшно, стипендия была 220 рублей. И меня спасал Гоголь. Я читала "Вечера на хуторе близ Диканьки", и меня это так потрясло, как хорошая музыка, как Шопен, которого я тогда играла... Гоголь меня спасал, поэтому сейчас я как бы отдаю дань. Ведь сейчас не читает никто, а мне хочется, чтобы Гоголя все знали. У нас в спектакле действуют Солоха (Елена Костина), Вакула (Константин Ужва, Ян Крайницкий), Рудый Панько (Александр Аксенов), Черт (Валерий Еремеев), Гапка (Оксана Зима), Панночка (Елена Федюшина), Цыган (Антон Антонов), они ссорятся, мирятся, поют песни...

— Интересно, а хотелось бы вам действительно иметь такого сына, как Гоголь?

— Ха! Гений! Я же там говорю: "Гений!" Маменька была такая наивная, она понимала, что ее сын — гений, и верила, что все хорошее на свете сделал он: изобрел паровую машину, построил железную дорогу из Петербурга в Москву и написал все книги. Конечно, ей бы хотелось, чтобы он и жил там, где она жила, и женился, а он не женился, но она все ему прощала, содержала его, когда он был в Петербурге...

— А чем занимаетесь ваши сыновья?

— У меня талантливые сыновья. И уже двое внуков. Мой старший сын — художник (показывает на сцене, где висят картины Ивана Милычева), очень хороший, он главный художник нашего театра, сейчас оформляет наш спектакль. А второй — психолог, но занимается растениями. Цветы выращивает. Говорит, трудно с людьми. С цветами — легче. Никто не бизнесмен, все еле-еле зарабатывают на хлеб, но все занимаются любимой работой. У нас дома так.

— А вы всегда жили так близко от двух своих театров? (Квартира Людмилы Ивановны — всего через одну лестничную клетку от "Экспромта".)

— Нет, специально поменялась. Потому что у меня с ногами проблема — я далеко не хожу.

Свой детский театр я обожаю — он дивный, у нас чудные сказки идут, мюзиклы: "Маша и Медведь", "Репка", "Али-Баба и сорок разбойников", "Оловянный солдатик", а в этом году мы даже поставили "Риголетто" (реж. Наталья Тимофеева). У меня сейчас команда прекрасная: и режиссер замечательный — Владимир Байчер, мой единомышленник, и дирижер Игорь Сукачев, и балетмейстер Марианна Богданова, и композитор украинский Валерий Кикта, и режиссер по пластике Георгий Гусев, а актеры все какие замечательные! Правда, получают артисты всего две тысячи рублей, поэтому время от времени уходят от меня. У нас детский театр, никому мы не нужны. Соседи судятся с нами, хотят театр изгнать. Но пока суд нас оправдал. Что дальше будет — не знаю.

— Вы говорите о таких неприятных вещах, но все равно производите впечатление абсолютно счастливого человека.

— А я и считаю себя счастливой. Вы знаете, я люблю "Современник", люблю свой театр "Экспромт", люблю кино, песни. Это кошмар, сколько всего я люблю! Вот поэтому я счастлива.

Светлана ОСИПОВА.